

УДК 159.9.07

Зайцева Ю.Е.^а, Горюнова Ю.В.^б

^аСанкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

^бСанкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, Санкт-Петербург, Россия

Жизненный сценарий молодых людей в полинарративной перспективе: культурные запреты и предписания постмодерна

Polynarrative Perspective on Life Script in Emerging Adults: Taboos and Precepts of Postmodern Discourse

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о предписаниях и запретах дискурса постмодерна, которые репрезентируются в жизненных сценариях молодых людей. Обоснована необходимость изучения личности с учетом культурно-исторического контекста и влияния дискурса на ее становление и развитие. Раскрывается сущность полинарративного анализа личных историй как метода, основывающегося на анализе валуаций, рефлексивных перспектив и дискурсивных позиций, как инструмента согласования Я-позиции рассказчика с текущим коммуникативным контекстом, приводятся результаты и выводы анализа текстов, содержащих схемы построения идентичности, проявляющиеся в текстах молодых людей и реализуемых в них предписаниях и запретах дискурса постмодерна. В результате исследования были сделаны предварительные выводы том, что к предписаниям и ограничениям дискурса постмодерна в жизненных сценариях молодых людей можно отнести следующие: в я-нарративе постмодерна снимается требование к единству нарратора и персонажа истории по параметрам идентичности; самопротяженность героя нарратива – также не обязательное условие; ценность пути и изменений, доступность перемен в ущерб достижению идентичности любого уровня, кроме максимально широкой (максимальное продление моратория); нормативность сверх-позитивного тона жизни и нарратива; страх упущенных возможностей; комфорт, легкость и гедонизм как критерии успешности. Фиксируется также изменение классической для модерна схемы пространственной репрезентации временной перспективы.

Ключевые слова: постмодерн, нарратив, полинарративный подход, социализация, идентичность, социальный конструкционизм, культурное опосредствование, культурный жизненный сценарий, временная перспектива

Abstract

The article deals with the issue of prescriptions and prohibitions of postmodern discourse, which are represented in the life script of emerging adults. The necessity of studying the personality is substantiated, considering the cultural and historical context and the influence of modern discourse on its formation and development. The essence of the polynarrative analysis of self narratives is revealed as a method based on the analysis of valuations, reflexive perspectives, an instrument for coherence and correspondence between the I-position of the narrator and the current context. Results and conclusions of the analysis of self-narratives containing identity construction schemes that appear in the texts of young people and the prescriptions and prohibitions of postmodern discourse are presented. As a result of the study, preliminary conclusions have been made that the following can be attributed to the prescriptions and taboos of postmodern discourse in the life script of young adults: in the postmodern self-narrative the requirement for the unity of the narrator and the character of the story on the parameters of identity is cancelled; the self-extension of the narrative protagonist is also not a necessary condition; the value of the path and change, the availability of change to the detriment of achieving any level of identity, except the broadest (maximum extension of moratory); normativity of super-positives narrative tone of life and narrative; fear of missed opportunities; comfort, ease and hedonism as criteria of success. A change in the classical modernist scheme of spatial representation of the temporal perspective is also detected.

Keywords: postmodern, narrative, polynarrative approach, socialization, identity, social constructionism, cultural mediation, life scenario, temporal perspective

Введение

Одной из черт современной психологии является традиция исследования личности в контексте исторических условий, культуры, социокультурных изменений, в которых происходит ее становление и развитие (Асмолов, 2015). Подобный ракурс исследования личности был сформирован благодаря осознанию, что редуцирование предмета психологии до психики, деятельности и субъекта не отвечает современным исследовательским задачам, и что для создания целостного образа человека в современных условиях изучению подлежит психика, развивающаяся в деятельности, личность – в истории и культуре, идентичность – в контексте социокультурных изменений (Гусельцева, 2018).

Современный дискурс ставит перед психологами-практиками задачи поиска средств и инструментов для работы с кризисом идентификации, который описывается исследователями как отсутствие у индивида условий, культурных средств, которые обеспечили бы ему возможность адекватного и целостного восприятия самого себя (Гуревич, Спирина, Белинская, 2015). В частных консультационных запросах к психологу это звучит: (а) через феноменологию отсутствия общности «я чувствую себя чужим в любой группе, коллективе, хотя мы и хорошо общаемся», «я никогда не чувствовал себя по-настоящему своим», «важно найти своего человека, своих людей»; (б) через практику «поиска призвания», «важно заниматься тем, что тебя зажигает, что хорошо получается, что по-настоящему твое», «в жизни надо найти свое призвание, тогда работа будет в радость»; (в) через активный поиск в диалоге с психологом «своего я». Искать себя с помощью психологического дискурса, самоопределяться через типологии личности, раскрывать свой внутренний творческий потенциал и тем самым проявлять себя, фиксировать и свидетельствовать оттиски уникального индивидуального внутреннего мира и его динамики – все эти социокультурные практики становятся крайне востребованными в современной повседневности.

Привычные для эпохи модерна способы самоидентификации через отождествление себя с группой с единым этносом, расой, полом, религией, ценностями профессионального сообщества, гражданством, местом проживания сталкиваются с дискурсивными табу в языковых практиках постмодерна (Борзых, 2021) на определение себя через самотождественность с персонажем «большой истории». Постмодерн как культурная парадигма активно транслировал инструменты деконструкции «больших нарративов» (Борзых, 2021; Родькин, 2019). В ситуации, когда существует иллюзия выбора между бесконечным множеством равнозначных альтернатив, которую предоставляет дискурс постмодерна, без поддержки культурного кода, общего для макросообщества или хотя бы для расширенного референтного круга, человеку становится не только сложно найти координаты для самоидентификации, но он лишается способности наполнять эти выборы смысловым содержанием. В итоге человек постмодерна автоматически оказывается тем, кто стремится «изъять себя из всех определений». Но что его ждет затем? Закономерным результатом этих процессов являются: (а) коммуникативное замыкание в идентичности с семьей или самой малой группой друзей детства; узость реальной группы референции, понимающей личные значения используемых знаков, при широком круге знакомств или активных коммуникативных практиках; практики разговора не с актуальным собеседником, аутистичность, отказ от значимой смысловой коммуникации в новом сообществе; (б) отказ от практик «поиска своего Я», снижение интенции решения задач самоопределения, самодетерминации, как заранее обреченных на неуспех. Субъект конструирует и переживает состояние, названное П.С. Гуревичем (Гуревич, Спирина, 2015) «нулевой идентичностью», которому сопутствует безмыслие, безволие, безэмоциональность, неосознанно чувствуя свою неспособность справиться с задачей идентификации; (в) компульсивный поиск новых идентичностей, лучших вариантов жизненного пути,

актуализация синдромов FOMO (fear of missing out) – страх упущенной возможности и FOBO (fear of missing the better option) – страх упустить лучший вариант (Макгиннис, 2021).

Одним из базовых культурных инструментов конструирования идентичности является так называемый «культурный жизненный сценарий» (“life script”) (Berntsen, Rubin, 2004) или «схема жизнеописания» (“life story schema” (Habermas, Bluck, 2000). Согласно определению, данному Д. Бертсон и Д. Рубиным, культурный жизненный сценарий (далее КЖС) – это «культурно обусловленное семантическое знание об ожидаемом в конкретный социально-исторический период событийном составе человеческой жизни, включающее в себя нормативное распределение во времени, а также оценку их значимости, валентности и частотности» (Berntsen, Rubin, 2004). КЖС представляет собой типизированную когнитивную схему, через призму которой человек собирает свою автобиографию, транслирует свои личные истории и ожидает понимание себя другими членами сообщества. Важно, что формирование культурного жизненного сценария происходит раньше, чем эти события проживаются индивидом в личном опыте, это скорее дорожная карта, чем заметки путешественника. Однако его роль в автобиографической памяти велика. В.В. Нуркова выделяет четыре функции культурного жизненного сценария: «роль КЖС относительно автобиографической памяти, в частности, в форме индивидуальных историй жизни, согласно пониманию КЖС как когнитивной схемы, заключается, во-первых, в инициировании кодирования в памяти событий, согласующихся со сценарием; во-вторых, в создании опорного каркаса для организации воспоминаний; в-третьих, в поощрении многократного их воспроизведения в рамках социальных практик; и, в-четвертых, в обеспечении материальных ключей для отсроченного доступа к релевантным сценарию содержаниям (например, сценарные события чаще фотографируются)» (Нуркова, 2018).

Как же видоизменяется представление о культурном жизненном сценарии в культуре постмодерна? Сохраняется ли единство представлений о типичном жизненном пути при легитимизации индивидуального отхода от его проживания? Или в когнитивной схеме заложены сразу несколько культурных моделей, переключение между которыми осуществляется ситуативно, сохранение единого согласованного персонажа или его я-истории не обязательно? Или подобная когнитивная схема вовсе не формируется, таким образом, блокируя эффективную работу системы «Я» – «автобиографическая память»? В настоящем исследовании мы предпринимаем первые попытки ответить на эти вопросы. Однако традиционные методы работы с я-историей имплицитно предполагают усвоение единой когнитивной схемы «культурного жизненного сценария» и его организацию в логике нарратива «пути героя» (Кэмпбелл, 1997), согласно требованиям к построению идентичности в модерне. Таким образом, для ответа на эти вопросы нам следует использовать другую методологию.

Методологические основания исследования: полинарративный подход

Традиционным способом исследования культурного жизненного сценария в модерне является «*дискретно-событийный*», отражающий фокус внимания исследователя на перечне событий, входящих в биографию «типичного» представителя определенного сообщества, или просто «типичного человека». В когнитивно-психологической парадигме, где КЖС исследуется как одна из когнитивных схем, то есть предоставленных культурой «ментальных структур, организующих восприятие, память и мышление о релевантном материале, в т.ч. относящемся к собственной жизни» чаще применяется метод «*сценарных репрезентаций*» (Нуркова, 2018). В последнем случае в фокусе внимания представлено еще и диахроническое измерение, то есть важным аспектом считается способ согласования (нарративного или образно-схематического) событий и

персонажа истории. Однако в культурной матрице постмодерна такая схема изучения не валидна в полной мере, поскольку самоидентификация персонажа и логическая преемственность или логичная изменчивость его черт, свойств, мотивационных линий, поведения на разных этапах жизненного пути не входит в обязательный стандарт нарративной я-схемы постмодерна.

Принимая во внимание полифонию я-позиций и множественность я современного человека, которая в настоящее время является, скорее, нормой, мы предлагаем использовать *полинарративный* подход к анализу личных историй. Данный подход ориентирован на изучение «я-текста», личного нарратива как диалогического, порождаемого здесь-и-сейчас, не обязательно устойчивого во времени, но находящегося в стадии совместного конструирования в условиях решаемой коммуникативной задачи и актуализированного контекстом социального дискурса.

Относительно идентичности как жизненной истории это означает, что для человека характерна имплицитная множественность я-историй, актуализируемых в зависимости от текущего дискурсивного контекста и решаемой задачи. Такие я-истории могут быть как согласованы между собой, так и «параллельны», рассказаны от лица иных персонажей, с использованием других когнитивных схем и даже парадигмальных требований к принципам их конструирования. Некоторые я-схемы позволяют «видеть» свои альтернативные я-истории, другие же, будучи актуализированы, приобретают характер субъективной феноменологической тотальности, включая переживаемое распространение на всю временную транспективу от прошлого до будущего. Такая «иллюзия я» (Дэннетт, цит. по Волков, 2021) тем самоочевидней, чем больше людей в различных жизненных контекстах свидетельствуют эти я-истории.

Полинарративный подход анализирует актуальную я-историю через призму нарративной психологии (Уайт, 2010; Макадамс, 2008; Херманс, 2006-2007) в логике модерна, однако предполагает наличие латентных

я-историй, для переключения на которые может быть достаточно незначительного коммуникативного воздействия (позиционирование), актуализации в контексте альтернативного дискурсивного предписания (валюации) или появления коммуникативной задачи, требующей для своего решения иной когнитивной схемы (рефлексивной перспективы). Таким образом, сам подход скорее фундирован в культурной парадигме метамодерна (Vermeulen, Akker, 2010), предполагающей функциональную осцилляцию между конструкционизмом модерна и деконструкцией постмодерна.

Основными единицами анализа личной истории в рамках полинарративного подхода, таким образом, становятся: я-позиции, валюации и рефлексивные перспективы. Первые указывают на актуализированные коммуникативные аккаунты из репертуара одного из множества дискурсов, регламентирующих взаимодействие в текущей ситуации. Вторые – на личностный смысл коммуникации, аффективно заряженный посыл в структуре или содержании истории. Третьи – на особенность когнитивной схемы: (а) отражающей масштаб решаемой коммуникативной задачи (тактическая / стратегическая, простая / комплексная); (б) определяющей широту контекста, к которому апеллирует говорящий для определения условий задачи; (в) учитывающей психологическую дистанцию во времени, пространстве, социальной удаленности коммуникантов и вероятности нахождения решения, на которую нарратор рассчитывает, что задает меру абстрактности концептов и культурных кодов, которыми он оперирует как средствами ее решения. Раскроем контекст применения данных понятий немного подробнее.

Множественность дискурсов может регламентировать коммуникацию собеседников в рамках одной и той же беседы, последовательно актуализируя различные *я-позиции*, вынуждая использовать разные культурные инструменты согласования, когнитивные схемы. Отсюда

различие в функционировании психики одного субъекта, не тождественность его личного опыта самому себе. В отличие от традиционного для модерна концепта Я как неделимого субъекта, носителя устойчивых свойств, иерархизированных интенций, отраженного в виде персонажа в результате рефлексивного самоописания, отягощенного моральной ответственностью за совершенное им на протяжении всего жизненного пути, используемый в постмодерне, а затем и в метамодерне концепт *я-позиция* отражает более «волновой», чем «корпускулярный» подход к прочтению я человека.

Я-позиции множественного Я обладают, как отмечает Г. Херманс, набором своих собственных черт, своими нарративами, валюациями и интенциями (Hermans, 2007). Устойчивость и единообразие дискурсивного контекста, характерные для эпохи и социокультурной парадигмы модерна предполагали устойчивость я-текста, самосогласованность персонажа я-истории, устойчивую иерархию я-позиций и когнитивных схем решения дискурсивных задач. Постмодерн снимает обязательное требование к единству персонажа я-истории. Подобно необязательности сюжетного единства ленты соцсети, в условиях широкого распространения Интернет-реальности, с ее множественностью дискурсивных аккаунтов для решения разнообразных задач в разных сферах, постулируемая ранее неделимость индивида теряет свою обязательность. Я человека дивидуализируется, мультиплицируется (Асмолов А.Г., Асмолов Г.А., 2019). Индивидуальное целостное «Я» (Кон, 1978), автономность субъекта деятельности, его постоянность и тождественность «Я» во всех проявлениях, являвшиеся для Европейской традиции важнейшей социальной и моральной ценностью, в дискурсе постмодерна прочитываются как явление рудиментарное, не обнаруживающее возможностей адаптации к множественности дискурсивных контекстов и стремительно изменяющимся социальным условиям. В то время как раздробленное множественное «Я», лишенное связей и возможностей укоренения в жизненном контексте, в модернистском

дискурсе рассматривавшееся как болезненное и ненормальное, в постмодерне становится новой нормой. Полинарративный подход присоединяется здесь к необходимости одновременно держать в поле зрения обе парадигмы – модерна и постмодерна (Vermeulen, Akker, 2010; Гусельцева, Турушева, 2018; Зайцева, 2021а, 2021б) и, таким образом, признает обе позиции, функционально и, даже, в чем-то прагматически оценивая временные преимущества согласования или разотождествления я-историй и их главных героев для решения актуальных задач.

Валюация как аффективно заряженный аспект повествования указывает на связку между «я-позицией» коммуникатора (как кто я сейчас говорю это и кому) и его удовлетворенностью решением задачи близости или становления (в текущей коммуникации или в жизненном пространстве в целом). Особенностью валюации и отличием от традиционного термина «ценность» является процессуальный контекстный ее характер. Ценность – устойчивое, свойственное личности или группе смысловое образование, валюация – принадлежит текущему диалогу. Это то, что важно донести до собеседника сейчас, без чего история потеряет для рассказчика смысл. Личные истории могут хранить и устойчивые валюации, переходящие из беседы в беседу, дающие собеседникам почувствовать, кто перед ними и характер его типичной эмоционально-ценностной связи с миром.

Анализ валюаций предполагает не только учет позитивного и негативного аффективного тона нарратива (доволен ли рассказчик положением вещей). Валюация отражает еще и фокус внимания рассказчика на одной из двух базовых тем (McAdams, 2008, 2018) или мотивов (Hermans, 2003, 2007): «близости / общности» (мотив «O» – Other по Хермансу, «как быть / жить с кем-то?») или «становления / личного дела» (мотив «S» – Self по Хермансу, «как быть / стать кем-то?»). Таким образом, рассказчик организует свою беседу вокруг положения дел (S) или взаимодействия их делателей (O) (см. рисунок 1). Объединяя отношение рассказчика к теме

своего повествования (с учетом и благодаря той позиции, которую он занимает относительно предмета разговора и относительно собеседника) с конкретным содержанием высказывания, мы можем получить указание на то, какой именно реакции рассказчик ждет от остальных участников диалога. Слушая собеседника, мы можем уловить его валюацию как в отдельных коротких репликах, так и относительно повествования в целом.

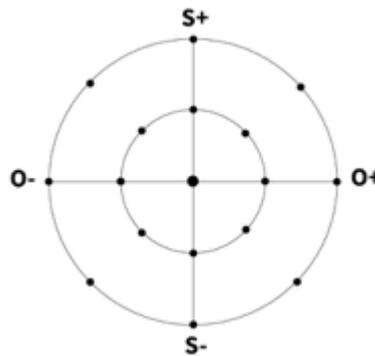

Рисунок 1 – Мишень анализа пространства личных валюаций: аффективный тон и тема нарратива

Одна и та же история, рассказанная из разных я-позиций, может собираться через разные валюации. На этом принципе построен психотерапевтический метод самоконфронтации Г. Херманса (2006-2007). В одной истории, или даже короткой реплике, и из одной я-позиции могут звучать противоречивые валюации. Персонаж истории и мотивированный рассказчик могут быть едины в аффекте, но иногда они расходятся, тогда текст приобретает иронический оттенок или двойной смысл, отражая звучание конкретного текста в данном коммуникативном контексте. Иногда валюация мотивированного рассказчика противоречит аффективно заряженному высказыванию персонажа истории. Здесь уместен элемент дискурса-анализа «недосказанного» – а мог бы человек, который действительно так думает, это сказать в рамках актуализированного

дискурса? Валюация в таком случае кодируется с точки зрения рассказчика, а не персонажа.

Чем более выражен аффективный профиль валюации, тем больше свидетельства своего положения в мире требует от нас собеседник. В зависимости от *рефлексивной перспективы*, актуализированной решаемой коммуникативной задачей, засвидетельствовать рассказчик ожидает:

а) свои *свойства* и их соответствие текущей *социальной роли* (перспектива «социального актера» по Д. Макадамсу (McAdams, 2003);

б) *инструменты* коммуникации или получения результата текущей деятельности («актер-агентская» перспектива);

в) *цель*, реализуемую посредством ратификации или изменения социального договора; измеряется успех через меру достижения личной цели, выходящей за рамки текущей коммуникации (перспектива «мотивированного агента»);

г) меру решения *задач сообществом*, посредством порождения новой формы коммуникации или актуализации имеющихся («автор-агентская» перспектива);

д) *тему нового дискурса* или эвристичность применения имеющихся в культурном коде «корневых метафор» для ре-конструкции функционального *смысла* текущей коммуникации (перспектива «рефлексивного автора»).

Две основные задачи рефлексивных процессов в рамках реализации совместной деятельности: во-первых, увидеть себя как другого, глазами других участников взаимодействия; во-вторых, увидеть другого как себя, оценив успешность его действий с точки зрения перспективы их дальнейшего использования как образца. И первое, и второе предполагает элемент создания общности «своих» – решающих общие задачи, а также, по возможности, схожих, имеющих сходные инструменты, разделяющих общие интенции, реализуемые в общем контексте, поскольку учиться у чужих и смотреть на себя глазами противника – опыт, безусловно, важный, но

предполагающий еще и учет конфликта интересов, и вероятность намеренного искажения обратной связи. Обмен автобиографическими личными историями реализует эти задачи построения рефлексивного образа из определенной перспективы (Bluck, 2003; Alea, Bluck, 2003): (а) обмен личными историями формирует ощущение общности, конструирует совместную идентичность; впрочем, может и позволить и распознать чужих, использующих альтернативный культурный код; (б) сформировать установку на воспроизведение или отказ от прошлой или увиденной у другого когнитивной схемы при решении будущих задач; (в) оценить самопротяженность и самоидентичность персонажа я-истории и я-рассказчика глазами сегодняшних наблюдателей. Таким образом, верифицируется или фальсифицируется актуальная жизненная история. Используя этот инструмент, нарратор может включаться в решение коммуникативных задач разной степени общности и масштаба. Когнитивная схема решения задач большего масштаба, предполагающих большую временную перспективу, включающих более широкое сообщество, стратегических и общественных задач предполагают более широкую «рефлексивную перспективу».

Под «рефлексивной перспективой» мы здесь понимаем когнитивную схему верификации / фальсификации личной истории таким образом, чтобы посредством коммуникации из актуализированной этой историей я-позиции в текущем контексте была решена задача соответствующего масштаба (тактическая или стратегическая). Эпигенетическая модель освоения по мере социализации предлагаемых дискурсом когнитивных схем более широких рефлексивных перспектив была предложена Д. Макадамсом на базе концепции достижения эго-идентичности Э. Эриксона (McAdams, 2008). Макадамс использовал для обозначения уровней рефлексивных перспектив театральную метафору: «актера», «театрального агента» и «автора» пьесы. Надо отметить, что сам он такой термин как «рефлексивная перспектива» не

использовал, предпочитая метафоры «слоев», «нитей», «линий» психологического Я. *Актерская перспектива*, согласно этой модели (McAdams, 2003, 2008), конструирует содержание Я через социальные роли, навыки, черты, репутацию среди окружения и характерна для ребенка 3-6 лет, когда происходит освоение культурных предписаний, демонстрируемых ближайшим окружением норм, форм социального поведения. Главной задачей данного периода является овладение инструментом саморегуляции, возможности отсрочить удовлетворение потребностей до наиболее подходящего для этого момента. Подростками в возрасте от 9 до 14 лет осваивается уровень *агентской перспективы*, когда формируется инструмент стратегического целеполагания, планирования будущего, решается задача расстановки жизненных приоритетов, выбора идентичности. К возрасту становящейся взрослости, старше 18 лет, рефлексной позицией человека нормативно считается *авторская*, задачей которой выступает автобиографическое осмысление пройденного жизненного пути, конструирование интегрированной жизненной истории с помощью нарративных схем, метафор и образов, представленных в соответствующей культуре.

Т. Хабермас и С. Блак (Bluck, Habermas, 2000) выделяли четыре типа нарративного согласования автобиографических текстов: темпоральный (события представлены в хронологическом порядке как последовательность); биографический (события представлены как своевременные или нет для определенного возрастного периода, этапа жизненного пути согласно КЖС); каузально-мотивационный (представлена связь между событиями в прошлом героя и его изменением в будущем или наоборот, свойства, намерения и поступки героя в прошлом приводили к тем или иным событиям в будущем); тематическая (представлено разнообразие этапов жизни, несхожесть персонажа с самим собой, но наличествует общая контекстуализирующая тема жизни, видная при использовании общей метафоры для текста

автобиографии). Аналогично возрастной периодизации в модели становления нарративной идентичности Д. Макадамса (McAdams, 2008) в этой теории предполагается, что к старшему подростковому возрасту происходит уверенное освоение и активное использование когнитивной схемы каузально-мотивационного согласования, а к возрасту становящейся взрослости – тематического.

Мы, однако, предполагаем, что при отсутствии единого дискурса, а также при формировании идентичности в культурной парадигме постмодерна, данные компетенции вряд ли будут достигнуты к указанным возрастным этапам.

Настоящее эмпирическое исследование отражает пилотажный этап большего проекта исследования идентичности современных молодых людей и носит поисковой характер, его *целью* было изучение предписаний и запретов дискурса постмодерна в жизненных сценариях молодых людей, а также особенностей формирования когнитивной схемы культурного жизненного сценария с учетом опциональности предписаний самотождественности персонажа я-истории.

Организация и методы исследования

Объектом исследования выступило содержание и организация культурных жизненных сценариев молодых людей, чья социализация проходила в эпоху постмодерна, а предметом – содержание предписаний и запретов дискурса постмодерна в жизненных сценариях молодых людей, мера имплицитной самопротяженности персонажа автобиографической истории и специфика ментальной репрезентации временной перспективы в культурном жизненном сценарии.

Процедура исследования: респондентам предлагалось написать текст биографической самопрезентации от имени 4-х, 10-ти и 25-летнего человека с помощью следующей инструкции, намеренно допускающей двойственное

толкование: «Напишите рассказ о себе, который можно было бы услышать от 4-летнего, 10-летнего и 25-летнего человека при знакомстве. Иными словами, что бы рассказал о себе человек в 4, 10, 25 лет? Рассказы не обязательно должны быть автобиографичны, они могут быть написаны от лица абстрактных людей соответствующих возрастов». Данную инструкцию можно прочесть в логике предписаний модерна: покажи разницу рефлексии одного человека в разные возрастные периоды; имплицитным предписанием со стороны модерна является, также, возможность самоидентификации с данным персонажем по ключевым параметрам идентичности. Но, эту же инструкцию можно прочесть и так: опиши разных людей различных возрастов, с которыми ты вступал в коммуникацию; они могут быть как похожи на тебя, так и нет, а также обладать сходством валюаций при противоположности групповых маркеров принадлежности.

Ментальную репрезентацию временной перспективы изучали при помощи графического теста Т. Коттла (Cottle, 1976; Белинская, Давыдова, 2007). Предлагалась следующая инструкция: «Представьте прошлое, настоящее и будущее в виде трех кругов. Изобразите их и обозначьте, какой круг соответствует прошлому, какой – настоящему, какой – будущему. Круги могут быть разного размера и располагаться в пространстве относительно друг друга любым образом». Ожидаемый результат в рамках схемы модерна для правшей в культуре письменности «слева направо»: расположение кругов слева направо или снизу вверх от прошлого (слева, внизу) к настоящему (в центре) и к будущему (справа, сверху). Нами предполагалось увидеть нарушения в данной репрезентации.

Выборка поискового исследования была представлена 35 респондентами, из них 30 женщин и 5 мужчин в возрасте от 19 до 33 лет, средний возраст – 20-23 года, проживающими в крупных городах России. На момент опроса респонденты уже имели высшее образование или находились в процессе его получения. С учетом отсутствующих ответов всего было

проанализировано 99 текстов самопрезентаций. Выборка пилотажного исследования не была сбалансирована ни по полу, ни по возрасту испытуемых, поскольку не ставилась задача описания содержания КЖС (как например, в работе В.В. Нурковой (2018)), но поиск общности предписаний к конструированию персонажа биографической истории. Также известно, что в логике модерна основные события, входящие в состав КСЖ, и их возрастные маркеры, значимо не различаются в зависимости от пола или возраста, поскольку КЖС является, скорее, предписанием, прецедентным нормотипизирующим текстом, чем усредненным описанием реального опыта референтной группы, социализирующихся в определенных культурных условиях индивидов. Усваивается он независимо от личного опыта и заблаговременно, являясь, скорее, опорой для конструирования будущей автобиографии.

Ожидаемый результат: нарушения имплицитной модели биографической схемы КЖС модерна, которая предполагает, что при данной инструкции будет описан один персонаж, на разных возрастных этапах своей жизни, согласованность между событиями биографии и изменчивостью персонажа будет представлена в тексте через поворотные жизненные события или через значимые элементы культурного жизненного сценария; хронологическая последовательность событий реконструируема; основные идентичности персонажа совпадают с таковыми рассказчика, графическая схема временной перспективы отражает линейный переход от прошлого к будущему.

Данные *анализировались* с помощью метода полинарративного анализа личных историй. Изучались предписания и запреты дискурса постмодерна. В качестве единиц анализа самопротяженности выступали: имя, гендер, упомянутые дискурсивные статусы, социальные роли и социальные институты, цели и контексты жизни персонажей, а также валюации,

рефлексивные перспективы, содержание и длительность временной перспективы в данных когнитивных схемах.

В качестве экспертов выступили два специалиста полинарративной практики и шесть магистров СПбГУ, освоивших элективный курс «Нарратив и дискурс». Работа велась в двух независимых командах с последующим согласованием.

Результаты исследования

1) В 42% случаев тексты самопрезентаций содержали явные маркеры единства персонажа в трех возрастных периодах; в 20% – в тексте отсутствовали явные указания на единство или различия персонажей; в оставшихся 29% были явные указания на различие персонажей. Значимых различий в выборе форм самопрезентации с точки зрения самопротяженности у мужчин и женщин, а также у испытуемых младше и старше 25 лет (возраст третьей самопрезентации) замечено не было.

2) Явные свидетельства расхождения маркеров идентичности персонажа с нарратором были представлены более чем в половине случаев. У 50% девушек нашей выборки, как минимум, один из трех текстов самопрезентаций был написан от имени персонажа мужского пола. При этом подобная инверсия чаще всего обнаруживалась при описании персонажа 25 лет. Расхождения в гендере среди ответов мужской части выборки не была обнаружена.

3) Культурно нормативное для русского языка указание на «взросление», через использование более формальной и полной формы имени, то есть употребление сокращенного или уменьшительного имени при составлении рассказа от имени 4-летнего персонажа, добавление фамилии при упоминании 10-летнего и отчества при рассказе от лица 25-летнего персонажа самопрезентации, имело место только в 30% ответов.

4) Нормативный для КЖС модерна рост рефлексивной перспективы при описании персонажей различных возрастов практически не наблюдался.

Рефлексивная перспектива в 75% ответов от лица персонажей всех возрастов была представлена актерским текстом. Данная перспектива позволяет решить тактическую коммуникативную задачу под непосредственной супервизией другого человека и с ориентацией на его оценку. Из оставшихся 25% случаев: 20% выбрали «актер-агентскую перспективу» для самоописания как 25-летних, так и более молодых персонажей, преимущественно реализованную в теме становления (S+ или S-): успешное или неудачное освоение инструмента самоовладения (своими состояниями, мыслями, самоорганизацией) и овладения знаниями, умениями, навыками реализации деятельности; и тот и другой инструменты описываются вне контекста цели данной деятельности; только 5% респондентов продемонстрировали агентские согласования при описании 25-летних, при условии наличия у них имплицитной схемы КЖС высокой самопротяженности.

5) Преобладающей временной перспективой, вокруг которой строится рассказ персонажей о себе, является настоящее время, что соответствует уровню актерской перспективы. Ментальная репрезентация временной перспективы представлена всеми видами пространственного взаиморасположения кругов «прошлого», «настоящего» и «будущего».

б) Тексты самопрезентаций имеют ярко выраженный аффективный профиль вне зависимости от возраста персонажей текстов. При этом тексты, написанные от имени 4-летнего ребенка, имеют по большей части положительный аффективный профиль. Тексты 10-летних и 25-летних персонажей представлены сочетанием положительного и отрицательного тона аффективных профилей. Больше половины респондентов сохраняют аффективный профиль при описании персонажей разного возраста, что косвенно свидетельствует о выполнении задания без смены я-позиции и рефлексивной перспективы нарратора.

7) Преобладающей валюацией персонажей всех возрастов является тема близости (O+ и O-). Особенностью валюаций при описании 25-летних

персонажей является тенденция к увеличению негативного аффективного тона по теме близости (O-), а также выраженный негативный тон темы становления (S-). Последнее может свидетельствовать об актуальном коммуникативном запросе респондентов на свидетельство их личной успешности и востребованности.

8) Идентичность протопипических персонажей 4 и 10 лет показана через принадлежность к социальным группам (семья, школьный коллектив), профессиональную деятельность, хобби. Профессиональная идентичность персонажей 25 лет описана преимущественно как не сформированная, имеет негативную аффектацию, следы переживания кризиса самоопределения, разочарования и потерянности. Описания, свидетельствующие о достигнутой профессиональной идентичности, напротив, изобилуют упоминанием атрибутов преувеличенно высокого социального статуса, подчеркнута позитивно аффективно окрашены, описаны через указания на привилегии, но не на ограничения. Последнее также может косвенно свидетельствовать о валюации неудовлетворенности своим текущим состоянием становления, и завышенными ожиданиями реализуемости культурных предписаний.

9) Для респондентов с высокой имплицитной степенью самопротяженности персонажа текста самопрезентации характерна линейная непрерывная связанность всех временных зон в ментальной репрезентации временной перспективы. Временная перспектива лиц с низкой и средней степенью самопротяженности персонажа текста самопрезентации, а также с неопределенной идентичностью персонажа, обнаруживает прерывистость вектора жизненного пути, реверсию или инверсию пространственной репрезентации прошлого и будущего.

10) Автобиографическое рассуждение, основа рефлексивного процесса, требующее актуализации мотивационно-каузального и тематического типов нарративного согласования (Bluck, Habermas, 2000) я-нарратива практически не встречается в нашей выборке.

Рассмотрим несколько примеров. Начнем с кейсов с высокой самопротяженностью и имплицитными схемами КЖС модерна.

Первый пример: ж., 25 лет описывает свое представление о биографической самопрезентации ребенка 4 лет, младшего подростка 10 лет и становящегося взрослого 25 лет (таблица 1).

Таблица 1 – Пример описания самопрезентации персонажей разного возраста из актер-агентской рефлексивной перспективы с позитивной валюацией по становлению и имплицитной самопротяженностью героя (схема модерна)

Текст самопрезентации от имени персонажа 4 лет	Текст самопрезентации от имени персонажа 10 лет	Текст самопрезентации от имени персонажа 25 лет
Мне 4. Все вокруг интересно и непонятно. Самое большое волшебство – мыльные пузыри, радуга и запах цветов. Весной я научилась пускать бумажные кораблики по ручью. Кажется, я хочу сложить тысячу бумажных корабликов и пускать их в свободное плавание.	Мне 10. Мне очень нравятся канцелярские магазины. Люблю рассматривать ластики, тетрадки, ручки, блокноты. После школы возвращаясь домой, я выдумываю всякие истории. Как будто я принцесса или вор, или первооткрывательница, и в этих дворах пятиэтажек до меня раньше никто не бывал).	Мне 25. Кажется, что я знаю, чего хочу от этой жизни и чего точно не хочу. Я занимаю должность, которую хотела, живу у моря в южной стране, катаюсь на скейте. Мир удивителен, я знаю это наверняка, ведь смотрела на него с высоты птичьего полета, поднявшись на гору пешком в субботу. Вот бы еще окружить себя правильными людьми

Как можно увидеть в тексте присутствует общая валюация интереса к освоению нового жизненного пространства, путешествия. Указание на преодоление препятствий есть только относительно этой темы. Представлена эстетическая валюация наслаждения наблюдаемым миром из необычной уникальной точки, ракурса, роли наблюдателя. Здесь прослеживается идея выхода из реальности формальных обязательств (учебы, работы), безусловного наслаждения большим миром, на который всегда можно взглянуть по-другому, но это требует труда и навыков.

Общий позитивный тон связан, также, с указанием на успешность освоения соответствующих каждому жизненному этапу навыков и инструментов (игры, учебы и работы). Однако при описании второго и третьего возрастных периодов, несмотря на указание соответствующей

каждому возрасту деятельности, успех в нарративе прослеживается именно в игровой или рекреационной деятельности, преодоление препятствий реализовано в этом пространстве, а значит, большой смысловой акцент идет на теме игры – путешествия. Валюация близости почти не присутствует, некоторый запрос на нее появляется в последнем эпизоде «вот бы еще окружить себя правильными людьми», что имплицитно указывает на недовольство имеющимися «неправильными» или отсутствие тех самых «правильных». Указание на достигнутость профессиональной идентичности скорее постулируется, поскольку не несет в себе конкретики. Образ успешности взрослости связан с идеей баланса работы (на которой должность важна как статус, а не как набор задач – актерский взгляд) и отдыха, экологического благополучия и активного образа жизни.

Прямого указания на преемственность персонажа или каузальную связку персонажа и событий его жизни в рамках временной перспективы прошлое-будущее (как «причина – следствие» или «цель – средство») не наблюдается. Однако явного указания на изменение пола, возраста или имени главного героя также нет. Имплицитно (при сохранении общей валюации путешествий) можно предположить самопротяженность персонажа истории в рамках биографического типа согласованности нарратива.

Обратим внимание на особенность результатов, полученных при выполнении респондентом задания теста Коттла (рисунок 2). На представленном рисунке мы видим двойную временную направленность, преобладающими временными зонами одновременно являются зоны прошлого и будущего. Временные зоны связаны между собой линейно, что может говорить о соответствии схеме модерна, предполагающей последовательную интеграцию респондентом прошлого опыта в настоящее и его влияние на будущее. Вектор жизненного пути изображен по четвертому типу, выделенному А.А. Гудзовской (Гудзовская, 1994), где прошлое слева, будущее справа, а настоящее посередине и связывает эти элементы.

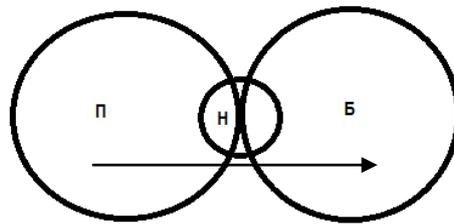

Рисунок 2 – Изображения прошлого, настоящего и будущего времени (тесту кругов Т. Коттла) респондента с высокой имплицитной самопротяженностью героя (схема модерна)

Рассмотрим еще один пример классической для эпохи модерна изменчивости и самопротяженности персонажа при явном отражении элементов КЖС от представителя более старшей возрастной группы: м., 32 года (таблица 2).

Таблица 2 – Пример описания самопрезентации персонажей разного возраста со сменой рефлексивной перспективы от прото-актерской до агентской с позитивной валюацией тем становления и слабо-негативной общности и высокой степенью самопротяженности героя (схема модерна)

Текст самопрезентации от имени персонажа 4 лет	Текст самопрезентации от имени персонажа 10 лет	Текст самопрезентации от имени персонажа 25 лет
привет я федя / у нас котик есть и рыбки / вчера рисовал машинку а ещё я ел ананас вкусно и сладко / мне нравится с горки кататься и новый год а ещё в телефон играть / а к нам приехала тётя мы играем с ней / мне подарили слайм тебе покажу / ну вот какой я а ты	Меня зовут Иванов Фёдор, мне 10 лет. Я из России и живу в Юкте. Учусь в 5-А классе, учусь хорошо, без троек. Я увлекаюсь музыкой и немного играю на гитаре, уже выучил пять песен. В свободное время мы с друзьями плаваем на лодке – рыбачить, на природе приятно. В людях мне нравится честность и доброта, а ещё важна скромность.	25. Здравствуйте! Я Иванов Фёдор Георгиевич, младший научный сотрудник НИИ Экологии рыбохозяйственных водоёмов. Сейчас я изучаю вклад фосфатов в сокращение биоразнообразия озёр закрытого типа. Помимо работы я занимаюсь спортом, люблю туризм и плавание, особенно мне нравятся многодневные горные походы, это чудесный способ отдохнуть от суеты города – побыть наедине со своими мыслями и полюбоваться красотами нашего края! Мне кажется, что очень важно людям уметь, правильно донести свои идеи до других, поэтому я организовал дискуссионный клуб в университете и участвую в лиге парламентских дебатов, когда есть время. Буду рад услышать Ваше мнение.

Здесь текст презентации из различных возрастных периодов отличается и по форме, и по содержанию я-нарратива. Показана динамика речи и мышления персонажа. Явно прослеживается преемственность персонажа истории, а также изменение его дискурсивной позиции в разных возрастных периодах. Указателем этого является изменение формы именованного персонажа: «Федя», «Иванов Федор», «Иванов Федор Георгиевич». В презентации от лица 4-летнего ребенка имитируется разговорная форма речи, ее ситуативно обусловленный поток. Показано расширение временной перспективы по мере взросления. Первый текст с точки зрения рефлексивной перспективы представлен как прото-актерский: еще не обозначена социальная роль и нет запроса на свидетельство свойств или атрибутов роли. Речь младшего подростка явно тяготеет к «письменной форме». Возможно, апеллирует к дискурсивной практике «письмо новому другу по переписке». Для этого возраста выбран актерский и актер-агентский типы рефлексии: актерский – самопрезентация через личностные свойства и социальные роли, элемент актер-агентской схемы в теме становления показан через приобретение навыка игры на гитаре, в теме близости – через удовольствие совместного отдыха на природе с друзьями, коммуникацию. В речи взрослого отражен агентский тип рефлексии, представлено автобиографическое рассуждение – связь между выбором формы отдыха и хобби и личными ценностями. В целом, объявление выглядит как приглашение разделить увлечение походами или присоединиться к дискуссионному клубу – то есть реализует цель, выходящую за рамки текущей коммуникации, что характерно для агентского типа рефлексивной перспективы. Профессиональная идентичность расшифрована через указание не только на точную и конкретную должность, но и на тему актуально решаемой в рамках профессии задачи. Коммуникация направлена на разную аудиторию, обращение к ней более или менее формально. С точки зрения КЖС и децентрации при автобиографическом рассуждении отражены

требования дискурса модерна. Интересно, что три ценности эпохи постмодерна все же нашли свое отражение в тексте: ценность экологического сознания (в выборе вида профессиональной деятельности героя), ценность путешествий и уединенного или малой группой отдыха на природе (туризм), ценность коммуникации и диалога, принятия решения посредством соревновательной дискуссии, дебатов (хобби). Валюация близости имплицитно представлена в работе как более значимая, препятствия актуализированы в этом модусе: невозможность функционально применить инструмент коммуникации (в рамках ли дебатов или в прокси-диалоге с природой), имплицитно отмечается невозможность быть услышанным, умалчивается необходимость или желание услышать собеседника.

Изображение прошлого, настоящего и будущего времени (по тесту Т. Коттла) респондента представлено на рисунке 3.

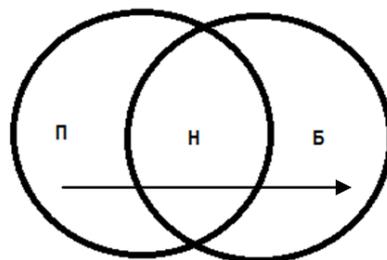

Рисунок 3 – Изображения прошлого, настоящего и будущего времени (по тесту Т. Коттла) респондента с высокой степенью самопротяженности героя (схема модерна)

На рисунке можно увидеть пример интегрированной временной перспективы, создаваемой через взаимопересечение двух кругов «прошлого» и «будущего», зона их пересечения репрезентирует настоящее. Респондентом нарушается инструкция изображения темпоральных зон в виде трех кругов. Таким образом, подчеркивается мера, в которой время для респондента целостно, выдавая более высокую рефлексивную перспективу, модель связанности прошлого, настоящего и будущего более эффективно позволяет справляться с задачей на постановку целей, выходящих за рамки текущей

коммуникации. Течение времени репрезентируется как непрерывное, опыт прошлого в некоторой своей части включается в настоящее и, с одной стороны, составляет его, а с другой – непосредственно задает будущее. Вектор жизненного пути изображен слева направо, связывает все временные зоны и, при этом, устремлен в будущее.

Приведем два кейса с низкой и средней самопротяженностью персонажа.

В рассказе девушки 19 лет персонаж 25 лет представлен юношей, 4-х и 10-летний – девочкой, однако центральная тема и валюация рассказа не изменяется (таблица 3). Центральная валюация каждой самопрезентации связана с близостью, несколько расширяется только группа идентичности, но незначительно, оставаясь в рамках малой группы (семья – подруги – круг близких людей, которые поддерживают). В каждом эпизоде представлена и связь темы близости с темой становления (забота о близких реализуется инструментами профессионального творчества). Динамика взросления представлена переходом от актерской репрезентации внутрисемейной близости в 4 года до актер-агентской в 10 и 25. Для ребенка важно просто быть частью семьи, но видно это через совместную деятельность (поход в зоопарк и наблюдение обезьян, изучение их). Для подростка и взрослого – реализуется через лично значимый и одобряемый близкими инструмент. Это форма актер-агентской рефлексии близости – инструменты творчества рассматриваются как основа успешной близости с друзьями. Различия 10-летней и 25-летней представлены в сложности освоенного творческого инструмента (от вырезания валентинок до фотографирования) и масштаба группы друзей: от трех подруг (и нескольких неизвестных поклонников) до расширенного круга «близких» (чья благодарность за памятные фото свидетельствует персонажа). В целом, наблюдение за другими, свидетельствование других как своих и получение признания и обратного свидетельства от них – общая тема повествования, несмотря на формальную

смену персонажа и значительно более детализированный и сложный язык описания его как 25-летнего.

Таблица 3 – Пример самопрезентации персонажей разного возраста из актерской и актер-агентской рефлексивной перспективы с валуацией по близости (позитивной от персонажа и частично негативной от нарратора) и низкой самопротяженностью героя (схема постмодерна)

Текст самопрезентации от имени персонажа 4 лет	Текст самопрезентации от имени персонажа 10 лет	Текст самопрезентации от имени персонажа 25 лет
<p>Сегодня был веселый день. Я гуляла с бабушкой в парке. Кушала вкусное мороженое и каталась на карусели. Потом мы встретили маму с работы и пошли в зоопарк. Я видела много животных, но больше всех мне понравились обезьяны. За ними было интересно наблюдать, потому что другие животные спали и прятались в домиках. Хочу еще сходить в зоопарк и увидеть их еще раз. Мама обещала сходить на следующих выходных, когда мне не нужно будет идти в садик.</p>	<p>Сегодня в школе был день Святого Валентина. Вчера я весь вечер клеила валентинки для своих подружек. Потратила целую упаковку картона, но это того стоило. С утра перед уроками, пока никто не видел, я положила их в ящик для валентинок. А после уроков, их стали раздавать. Я тоже получила валентинки от подружек, и еще три от настоящих тайных поклонников. Так интересно теперь узнать, кто это был. А мои подружки были очень рады получить такие красивые открытки.</p>	<p>Многие в моем возрасте даже не знают, что рассказать о себе при встрече. Теряют себя в трудовых буднях Дом-Работа-Дом. Я счастлив, осознавая, что это не про меня. Достаточно лишь обзавестись хобби и кругом близких людей, которые его поддержат. Однажды на уделке я приобрел пленочный фотоаппарат и направился в ближайший парк, щелкая каждый интересующий меня предмет по пути. Так, впервые запечатлев закат, я и открыл для себя фотографию, не как предмет, а как способ по-новому взглянуть на мир. Затем я стал выбираться на «фотоохоту» каждые выходные. Меня все больше стали интересовать прохожие, со своими эмоциями, аутфитами, или причудливыми занятиями. Кажется, ничего не сможет передать эти вещи лучше, чем камера. Совсем скоро я стал приглашать на подобные вылазки своих друзей. Пока они общались в шумных компаниях и весело проводили время, я делал памятные снимки. Нельзя передать словами благодарность близких, когда через какое-то время после вечеринки, или дружеской встречи, или свидания ты отдаешь им снимки, которые будут еще долго возвращать их в те счастливые моменты.</p>

Изображение прошлого, настоящего и будущего времени (по тесту Т. Коттла) респондента представлено на рисунке 4.

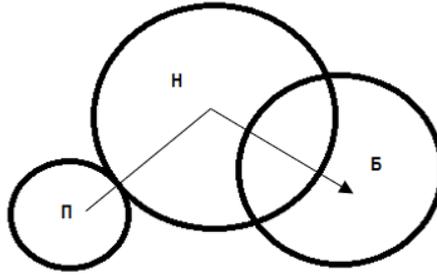

Рисунок 4 – Изображения прошлого, настоящего и будущего времени (по тесту Т. Коттла) респондента с низкой степенью самопротяженности героя (схема постмодерна)

На представленном рисунке можно увидеть, что изображение временных зон несколько отлично от предыдущих изображений. При сохранении горизонтального вектора репрезентации: «прошлое» слева, а «будущее» справа, мы видим нарушение вертикальной ориентации: «настоящее» выше, «прошлое» и «будущее» ниже. В логике КЖС модерна мы бы могли начать интерпретировать схему с точки зрения аффективного профиля – как установку на негативное будущее. Но это не соответствует аффективному профилю рассказа. Таким образом, здесь важно различать – отсутствие преемственности в я-истории, отсечение прошлого и согласование настоящего и будущего в своей темпоральной линии, в схеме постмодерна и отклонение от нормативного КЖС в модерне. Мы видим несбалансированную временную перспективу, где прослеживается ориентация на настоящее время, что соответствует задачам актер-агентской перспективы удерживать коммуникацию в рамках решения текущей задачи. Настоящее и будущее время связаны между собой линейно, прошлое и настоящее непрерывны, но не связаны. Временную перспективу можно описать как дискретную с ориентацией на будущее. Вектор жизненного пути прерывается, подчеркивая тем самым отсутствие связи прошлого и будущего времени.

Еще один краткий пример низкой самопротяженности в самопрезентациях персонажей от юноши 20 лет. В историях представлены три персонажа (судя по именам различные), нарратор почти не валюирует в

достижимость близости или успеха, судя по отсутствию препятствий в историях. Динамика взросления представлена формальным указанием на социальные статусы в рамках социальных институтов (детский сад и семья, хобби; школа, друзья и будущая профессия, плюс спорт; высокий профессиональный статус – ведущий специалист, решенность задачи построения семьи – двое детей и жена), аффективный тон – преувеличенно позитивный, каузально-мотивационное согласование отсутствует, однако представлена детализация ответов, усиливающая достоверность (таблица 4).

Таблица 4 – Пример актерского согласования через КЖС без нарративного валюирования, с низкой идентичностью и самопротяженностью персонажей

Текст самопрезентации от имени персонажа 4 лет	Текст самопрезентации от имени персонажа 10 лет	Текст самопрезентации от имени персонажа 25 лет
Меня зовут Ваня, мне 4 годика. Я хожу в детский садик. У меня есть мама и папа. Я люблю рисовать и играть со своей сестрой Ксюшей.	Меня зовут Саша, я ученик 3В класса. В школе у меня много друзей и в будущем я хочу стать космонавтом. Также я хожу на занятия по дзю-до	Всем привет, меня зовут Гриша. Я являюсь ведущим специалистом в области когнитивной психологии. Являюсь любящим отцом двух детей и жены.

Изображение прошлого, настоящего и будущего времени (по тесту Т. Коттла) респондента с низкой степенью самопротяженности героя представлено на рисунке 5.

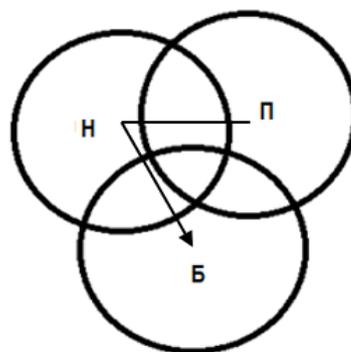

Рисунок 5 – Изображения прошлого, настоящего и будущего времени (по тесту Т. Коттла) респондента с низкой степенью самопротяженности героя (схема постмодерна)

На рисунке мы видим нарушение линейного согласования от прошлого слева / внизу к будущему справа / наверху. Настоящее изображено слева, прошлое выше и правее, будущее ниже и правее. При интерпретации теста с учетом перспективы модерна мы бы утверждали негативное отношение к будущему, застревание в прошлом и, возможно, ориентацию на позитивное прошлое по Зимбардо. Однако в данном случае у нас нет оснований интерпретировать слом направленности временной линии именно так. Представленный респондентом с низкой степенью самопротяженности героя рисунок демонстрирует взаимосвязанность временных зон между собой, временная перспектива сбалансирована, каждая из зон представлена на изображении в равной степени. При этом присутствует прерывистость вектора жизненного пути, скорее зафиксирована модель интеграции времени.

Приведем три примера явного негативного аффективного тона нарратива как в темах становления, так и в темах близости, нарастающего по мере взросления персонажа, при отсутствии интеграции КЖС (таблица 5). В каждом кейсе указывается негативное переживание перехода от актерской к актер-агентской перспективе в 10-летнем возрасте, столкновение с трудностями вызывает снижение интереса. К 25-летнему возрасту «актерские роли» в предпочитаемой истории заканчиваются, а личные цели не прояснены – агентского инструмента их формирования не приобретено. Начальник и родители не прочитываются как агенты, способные поставить цель, советы значимых других воспринимаются через контр-текст (сделаем все наоборот). Пишется история жертвы несправедливости и отсутствия поддержки.

Таблица 5 – Примеры неопределенной идентичности персонажа с негативным аффективным тоном становления и близости от юноши и двух девушек 20 лет

Текст самопрезентации от имени персонажа 4 лет	Текст самопрезентации от имени персонажа 10 лет	Текст самопрезентации от имени персонажа 25 лет
<p>Мне 4 года и я люблю мороженое. Я люблю играть со старшим братом/сестрой и иногда с ровесниками. Мама часто меня ругает, потом что я громко разговариваю и бегаю по коридорам в больнице. Еще мне нравится самостоятельно играть или помогать маме на кухне. Мечтаю стать как Влад А4, быть таким же клевым и веселым.</p>	<p>Мне 10 лет и я люблю играть в Бравл Старс. Делать домашку скучно, школа оказалась не такой интересной. Хочу скейт, гулять с друзьями во дворе и чтобы Н. снова начал стримить. Мама все еще заставляет меня носить шапку, хотя я уже взрослый.</p>	<p>Мне 25 и я закончил вышку, треш! Что делать я вообще без понятия. Понял прокол маминих соленьев и растений по всему дому. Все меня считают взрослым, хотя это не так. Мечтаю о плейстейшене и дневном сне. Осознал, что все притворяются взрослыми, но никто им не является. Я научился жить самостоятельно, думаю завести собаку, чтобы было больше поводов гулять и не чувствовать себя одиноким.</p>
<p>Меня зовут .... Но бабушка любит звать меня .... (<i>*полная форма имени – прим. исслед.</i>), даже если ее .... У меня есть мама, папа, собака, сестра. Сестра, как говорят родители, очень вредная, потому что не пускает меня в свою комнату, потому что я там что-то порчу. Собака у меня хорошая, но я ее боюсь, потому что папа однажды сказал, что она бойцовской породы. Бабушку я вижу не так часто, но она всегда приезжает с новыми игрушками.</p>	<p>Меня зовут.... Мне 10 лет. В школе я хорошая, занимаюсь танцами и фортепиано. Фортепиано мне очень не нравится, потому что преподавательница дает неинтересные пьесы и советует маме слушать, как я играю. А мне все это не нравится. Потом она жалуется, что я не показываю успехов, но мне на это все равно. В школе все хорошо, я нравлюсь однокласснику, но он мне совсем не нравится. Но дарит мне подарки и пишет стихи. Правда он берет их из интернета.</p>	<p>Меня зовут.... мне 25 лет. Даже не знаю, с чего бы начать это письмо, потому что я вообще мал, чего знаю и мало в чем уверена. Извините, возрастной кризис налицо. Ну раз нужно рассказать о жизни, рассказываю – недавно я закончила институт и сейчас пытаюсь влиться в полученную специальность. Взрослая жизнь на самом деле скучная, в детстве было иначе, на работе все хорошо, но коллектив мне пока не заходит. Женщины старшего возраста либо видят во мне соперницу, либо не воспринимают всерьез. Но все это не так важно, ведь эта работа – временная. Я планирую получить здесь хорошие рекомендации, набраться опыта и выбрать что-то получше. Родители все чаще говорят о том, как хотят внуков на старости лет, но я не понимаю, зачем. Я только пытаюсь устраивать свою жизнь в нее точно не впишется ребенок.</p>

Продолжение таблицы 5

Текст самопрезентации от имени персонажа 4 лет	Текст самопрезентации от имени персонажа 10 лет	Текст самопрезентации от имени персонажа 25 лет
У меня есть большая красивая машинка! Мама и папа высокие гиганты. Хочу попробовать все-все конфеты в мире. Кашу я не люблю. И вообще волшебник из изумрудного города	Математика предмет сложный, но я в ней как рыба в воде. Вечером я буду смотреть свои любимые мультики и играть в майнкрафт. Крууть! А завтра опять в школу.	Кто я? Что мне действительно нравится? Почему я занимаюсь этим? Чем бы я мог заняться? У всех уже семьи, дети. Почему меня все торопят. Социум давит на меня и я не знаю, на том ли я месте.

Примечание: * – имена исключены согласно выбранной респонденткой формой анонимизации данных

В качестве примера изображения прошлого, настоящего и будущего времени приведем рисунок, представленный респондентом с неопределенной идентичностью и негативным аффективным тоном становления и близости, автором третьего текста, представленным в таблице 5 (рисунок 6).

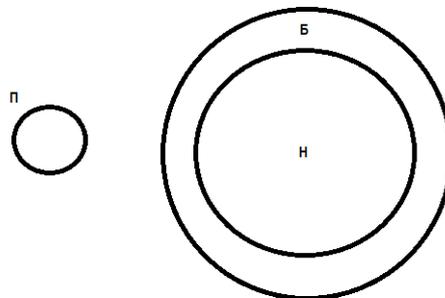

Рисунок 6 – Изображения прошлого, настоящего и будущего времени (по тесту Т. Коттла) респондента с неопределенной идентичностью персонажа и негативным аффективным тоном становления и близости (схема постмодерна)

Мы видим отделенность круга «прошлое» и включенность круга «настоящее» в круг «будущее». Согласованность вектора прошлое слева – будущее справа отчасти сохраняется. Будущее представлено как расширение настоящего во всех направлениях.

Обсуждение результатов

Таким образом, в текстах молодых людей, формировавшихся в парадигме постмодерна, мы видим примеры всех трех стратегий совладания с кризисом идентичности: (а) через ценности «переживания» и эстетический коммуникативный стиль: замыкания в идентичности с малой группой («близость по семейному типу») и уход в созерцание, творчество, близость с природой; (б) через ценности «действия» и прагматический коммуникативный стиль: постановка сверхпозитивного образа будущего я («успешный успех») в сочетании с путешествиями и активным отдыхом; (в) через ценности «отношения» и этический коммуникативный стиль: кризис самоидентификации, разочарование и неудовлетворенность профессиональной самореализацией и отношениями, переживание одиночества, состояния тревоги, апатии и депрессии. В какой мере данные тексты отражают актуальную проблему становящейся идентичности респондентов, а в какой являются новыми элементами культурного жизненного сценария, прототипическими персонажами из репертуара дискурса постмодерна, нам еще предстоит узнать. Но один из результатов представляется нам особенно важным: нормотипичное с точки зрения психологии модерна для возрастной группы наших респондентов согласование (репрезентированное графически и нарративно), а именно мотивационно-каузальный и тематический типы нарративного согласования я-истории практически не представлен среди указанных самоописаний. То есть, агентская рефлексивная перспектива, не говоря об авторской, не используется для решения текущей коммуникативной задачи. К 20-25 годам наши респонденты уверенно освоили только темпоральный и частично биографический тип согласования, вместо каузально-тематического ими используется детализированный биографический с подробным описанием переживаний фокусного персонажа. По крайней мере, задача реконструкции культурного жизненного сценария не актуализирует иные схемы. А значит,

культурный жизненный сценарий не становится инструментом конструирования идентичности взрослого, не выполняет своей основной функции организации автобиографического мышления и рефлексивных процессов.

Практики автобиографирования за последние десятилетия претерпевают значительные изменения. Парадигма постмодерна, как принципиально деконструирующая контекстуализацию личности единым для всего сообщества дискурсом, и становление личной идентичности через отождествление персональной истории с одним из «больших нарративов» (религиозного, геополитического, идеологического дискурсов), не способствует имплицитному формированию культурного жизненного сценария. Последнее, в свою очередь, не может не повлиять на особенности автобиографической памяти, самовосприятия и целеполагания, временной перспективы и речи. Без владения инструментом планирования и рефлексии жизненного пути акцент на будущем времени, а также взгляд на прошлое лишены смысла и не преследуют никакой цели, все усилия сконцентрированы на проживании и проигрывании текущей социальной роли, демонстрации свойств и ожидании подтверждения, что роль сыграна надлежащим образом или инструмент применен хорошо. А это, в свою очередь, требует фактически «тьюторства» над взрослыми и формально социализированными людьми двадцати пяти лет, получившими высшее образование.

Основной нашей задачей было проследить меру самопротяженности персонажа в имплицитной когнитивной схеме, лежащей в основе представлений о культурном жизненном сценарии в эпоху постмодерна, а также проследить основные дискурсивные предписания (и запреты), включаемые в КЖС. В результате исследования были сделаны предварительные *выводы* о том, что к предписаниям постмодернистского дискурса в жизненных сценариях молодых людей можно отнести

предписания гедонистического отношения к жизни, продление моратория идентичности (поиск себя в новых контекстах, путешествия, пробы), сфокусированность на теме близости с малой группой, требования быстрого достижения высокого социального статуса при ограниченной возможности самодетерминации, склонность к самоопределению себя через знак идентичности без учета его значения и без ограничений на преемственность идентичности, к запретам можно отнести запрет на окончательное самоопределение, достижение идентичности, в том числе профессиональной, ограничение репертуара маркеров идентичности до семьи, социальных институтов и хобби; наличие противоречивого предписания самостоятельности в постановке целей и определении средств и инструментов для их достижения, но табу на получение фактического опыта применения данной когнитивной схемы.

Заключение

В своем эпитафии к абсурдистской поэме «Елка у Ивановых» А. Введенский (1938/2021) определяет своих персонажей как мальчиков и девочек от годовалого, восьмилетнего, семнадцатилетнего, тридцатидвухлетнего, до семидесятишестилетнего и даже восьмидесятидвухлетнего возрастов. Возникают опасения (Зайцева, 2021а, 2021б), что постмодерн создает условия для сохранения детских когнитивных схем на поздних стадиях онтогенеза. Уровень интеллектуального напряжения вокруг проблем постмодернизма и некоторая мода на его изучение, как указывает Н.Б. Маньковская (цит. по Гусельцева, 2018) проходит, но как явление данная культурная парадигма продолжает существовать, представляя жизненный контекст становления целого поколения. Рост актуальности подобных исследований обусловлен тем, что поколение, сформированное в культурных предписаниях постмодерна,

входит в возраст принятия решений: окончания вузов, вступления в брак, выхода на работу.

«Уникальность», «универсальность», «узнаваемость» и «удобность» – ценности постмодерна при конструировании «Я» как бренда. «Уникальность» создает эксклюзивность, «универсальность» позволяет включаться в любые социальные общности, «узнаваемость» – возможность быть востребованным и прочитываемым в предпочитаемой истории, «удобность» – создает мягкую конкурентоспособность. Все это работает в ситуации рынка избытка ресурсов и разнообразия. Однако имеет свою обратную сторону. Отличительной психологической особенностью становится фиксация на текущем самочувствии, самоощущении. Критерием успешности решения задачи самоопределения имплицитно ставится «легкость», «комфортность», «беспроblemность» существования. Столкновение же с трудностью, сопротивлением, препятствием, в противовес классике экзистенциальной психологии, прочитывается субъективно как неуспешность решения задачи самоидентичности: друзья перестают общаться, браки распадаются, сотрудники вновь ищут новую работу и новый «менее токсичный» коллектив, люди с готовностью меняют место жительства, страну, язык, включая религиозную, государственную, культурную идентичность. Для динамической актуализации ценностей «легкого и простого мира» в терминах Ф.Е. Василюка (Василюк, 1984) оказывается достаточно уже не кризиса, а фрустрации. Задача самоопределения и ценностного выбора в результате рефлексивной работы – автобиографического мышления, получения и анализа обратной связи о себе от других в контексте совместной деятельности, идентификации себя с персонажами прецедентных текстов, то есть задача «сложного мира» по Василюку – сбрасывается. Чаще всего она заменяется имитационными практиками рефлексии. А именно, получением свидетельствования от ближайшего или даже широкого окружения через вменение им позитивного

свидетельствования в обязанность (требование «эмоциональной поддержки» и «нетоксичного общения», то есть любого, вызывающего негативное эмоциональное переживание или чувство дискомфорта). Рефлексия и идентификация в рамках решения общей задачи или общего дискурса заменяется задачей индивидуализированного самовыражения. Гуманистический, по своей сути, принцип признания и уважения «достоинства» каждого, безусловного права быть признанным, писать свою жизненную историю и быть ее главным героем, вне зависимости от социальной полезности качеств или инструментов адаптации к текущему социальному контексту (Асмолов, 1996; Зайцева, 2011), более того, реализующий преадаптивный потенциал системы за счет роста неадаптивного разнообразия, превращается в психологическом содержании в свою противоположность.

Критики постмодернизма, как указывает И.А. Чудова (2017), порой прибегают к морализаторству: он ассоциируется с упадком и деградацией, идеологической опасностью. Сторонники постмодерна отвечают: «окей, бумер». На наш взгляд, важно видеть, какие особенности парадигмальных предписаний и запретов отражаются в структуре и содержании имплицитных представлений о типичной жизни, в способе построения автобиографии, и чем они отличаются от КЖС личности модерна. Если этого не сделать, то попытка интерпретации ответов на психодиагностические методики, составление новых перечней событий, входящих в типичную автобиографию, анализ сформированности идентичности будут содержать принципиальные ошибки. Так, во-первых, в я-нарративе постмодерна снимается требование к единству нарратора и персонажа истории по ряду параметров идентичности (пол, возраст, статус, профессия, принадлежность к другим группам общности). Имплицитная установка к идентификации с персонажем по параметрам групповой идентичности связана, как нам представляется, с наличием в культуре модерна типичных жизненных

маршрутов, с которыми уместно сопоставить свой жизненный опыт. Постмодерн подчеркивает уникальность жизненного пути каждого при сохранении идеи принципиальной эквивалентности каждого каждому, таким образом, сравнение когнитивных схем и жизненных успехов может идти и с людьми с изначально альтернативными или любыми личностными характеристиками, социальными и демографическими параметрами. Во-вторых, тождество фокусного персонажа истории (от чьего лица идет повествование) не является обязательным условием в нарративе постмодерна. Удержание самопротяженности героя – «добровольный» выбор нарратора – может быть показателем наличия у него агентской схемы рефлексивной перспективы. Удержание идентичности персонажа постмодерна с самим собой, отсутствие переключения на других персонажей в рамках одной истории может выступать аналогом лояльности группе в модерне, как добровольное самоограничение до момента реализации поставленной цели. Временная перспектива также не представляется единонаправленной, векторной. В-третьих, путь героя в нарративе постмодерна, даже при наличии агентской когнитивной схемы взрослого, не предполагает цели как обязательного элемента. Ценность пути, изменений, смены контекстов, является парадигмальным предписанием само по себе. Возможность смены места жительства, места работы, гражданства, атрибутов идентичности – важное требование к персонажу и нарратору постмодерна. «Оседлость» и включенность в долгосрочные обязательства, групповые идентичности, блокирующие такие возможности, напротив, переживаются как нежелательные ограничения, табуированы. С этим предписанием, на наш взгляд, может быть связано и желание идентификации с максимально широким сообществом – быть «человеком мира», «гражданином мира». Данный идентитет переживается только через его привилегии, но не через ограничения – прочитывать тогда каждого человека как своего, вне зависимости от других его идентичностей и особенностей. В-четвертых, вера

в положительный исход любых начинаний, позитивный паттерн следования своему пути, призванию как норма развития сюжета истории. Отсюда, с одной стороны, очень тяжелое переживание препятствий или трудностей, как отхода от нормативной схемы ожидаемой легкости и преувеличенного успеха любых начинаний. С другой – склонность ориентироваться на плюсы и не обращать внимания на минусы при выборе альтернатив и готовность согласовывать историю и картину мира со своими поступками, а не выбирать стратегию поведения в соответствии с объективной оценкой обстановки. В-пятых, постоянное, до компульсивного, сравнение с другими вариантами, поиск лучшего, страх упущенной возможности. И наконец, в-шестых, комфорт (включая комфорт общения) и гедонистическое счастье как важный критерий успешности жизни.

Постмодерн, выражаясь словами Ф. Джеймисона, воспринимается через тему «бесконечного ощущения конца» (Джеймисон, 2019): конца идеологии, нарратива (Bell, 1960), конца человека, смерти автора, субъекта (Фуко, 1996; Дилез, 1998; Барт, 1994). Критики часто сетуют на последствия постмодернизма, связанные с разрушением и деградацией социальных институтов, упадком морали и социальности общества избыточного потребления (Чудова, 2017). Сторонники постмодерна утверждают, что это взгляд из перспективы модерна на культурный инструмент, направленный на деконструкцию закостеневших, наполнившихся неадаптивными ритуальными элементами «культурного гиганта», не справляющегося с вызовами стремительно меняющегося контекста. Но если можно оспорить любые дискурсивные требования, экспертность не признается, свидетельство другого заменено самосвидетельствованием, а гедонизм является критерием успеха, то искушение любой результат признать отвечающим требованиям контекста велико. При всей легкости и доступности инструментов деконструкции отсутствие автоматизированных навыков конструирования совместных текстов и личной нарративной идентичности может приводить к

ситуации, когда имитационные практики доминируют. «Дети» захватили город и готовы победить «взрослых» в своем праве на свободу и «праздник непослушания», вот только конфеты уже заканчиваются, а веселый пикник слишком быстро превращается в Голдинговский остров голодных, ждущих своего «повелителя мух». Метамодерн как парадигма конструирования идентичности при условии одновременной представленности в культурном поле различных дискурсов и социальных парадигм (от традиционных до постмодернистских), через особое внимание к актуализирующимся собеседниками языковым практикам конструирования социальной реальности, в контексте последовательного уменьшения свободных ресурсов, ищет новые возможности решения задач социальной адаптации и преадаптации. Одним из таких решений рассматривается полинарративный подход к психологической практике. А новые методы нам еще предстоит создать, разработать и освоить.

Список использованных источников

- Асмолов А.Г. От культуры полезности к культуре достоинства // Культурно-историческая психология и конструирование миров. Воронеж, МОДЭК; М., ИПП, 1996. – 768 с.
- Асмолов А.Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования, 2015. Т. 8. № 40. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 23.05.2021).
- Асмолов А.Г., Асмолов Г.А. Интернет как генеративное пространство: историко-эволюционная перспектива // Вопросы психологии, 2019. № 4. С. 1-26.
- Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 384-391.
- Белинская Е.П. Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? // Психологические исследования, 2015. Т. 8. № 40. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 23.05.2021).
- Белинская Е.П., Давыдова И.С. Графический тест Коттла: специфика показателей временной перспективы // Психологическая наука и образование, 2007. Т. 12. № 5. С. 28-37.
- Борзых С.В. Смерть нарратива. М., Инфра-М, 2021. – 175 с.
- Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М., Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 200 с.
- Введенский А.И. Елка у Ивановых. М., БуксМАрт, 1938/2021. – 76 с.

- Волков Д.Б. Бостонский зомби: Д. Деннет и его теория сознания / Д.Б. Волков. М., URSS, 2021. – 304 с.
- Гуревич П.С., Спирина Э.М. Идентичность как социальный и антропологический феномен. М., Канон+РООИ «Реабилитация», 2015. – 368 с.
- Гусельцева М.С. Метамодернизм в психологии: новые методологические стратегии и изменения субъективности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2018. Т. 8. Вып. 4. С. 327-340. URL: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.402>
- Гусельцева М.С. Эстетическая парадигма и трансформации повседневности: методологические аспекты // Психологические исследования, 2018. Т. 11. № 60. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n60/1598-guseltseva60.html> (дата обращения: 23.05.2021).
- Гудзовская А.А. Восприятие периодов жизни безработными современной провинции // Провинциальная ментальность России в прошлом и настоящем: Тезисы докладов конференции по исторической психологии российского сознания. Самара, Изд-во СамГПИ, 1994. С. 105-110.
- Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М., 2019. С. 83.
- Дилез Ж. Фуко. М., Издательство гуманитарной литературы, 1998. – 172 с.
- Зайцева Ю.Е. Чувство собственного достоинства как психологический феномен: Опыт общепсихологического исследования. LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011 – 196 с.
- Зайцева Ю.Е. Гуси-гуси... или кто опасней всех на свете? – невыросшие дети // Журнал нарративной практики, 2021а. № 1(3). С. 21-30.
- Зайцева Ю.Е. Почему женщины убивают? Семья в метамодерне // Журнал нарративной практики, 2021б. № 2 (4). С. 15-19.
- Кон И.С. Открытие «Я». М., Политиздат, 1978.
- Кэмпбелл Д. Тысячеликий герой = The Hero with thousand faces / Пер. с англ. А.П. Хомика. М., Ваклер; Рефл-бук; АСТ, 1997. – 384 с.
- Макадамс Д.П. Психология жизненных историй // Методология и история психологии, 2008. № 3. С. 135-166.
- Макгиннис П. Homo Sapiens: Как избавиться от страха упущенных возможностей и начать принимать правильные решения. М., Альпина Паблишер, 2022. – 256 с.
- Марцинковская Т.Д. Современная психология – вызовы транзитивности // Психологические исследования, 2015. Т. 8. № 42. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 23.05.2021).
- Нуркова В.В. Днестровская М.В., Михайлова К.С. Культурный жизненный сценарий как динамическая семантическая структура (ре)организации индивидуального жизненного опыта // Психологические исследования, 2012. Т. 5. № 25. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.01.2018).
- Нуркова В.В. Жизнь – инструкция по применению: результаты графической экспликации Культурного жизненного сценария // Международный журнал исследований культуры, 2018. Т. 30. № 1. С. 56-73.
- Нуркова В.В. Психология фотографии. Культурно-исторический анализ. М., Юрайт, 2021. – 473 с.

- Родькин П. Бесконечный нарратив. Герменевтика сериала. М., Совпадение, 2019. – 256 с.
- Турушева Ю.Б. О тенденциях метамодернизма в нарративном подходе // Вопросы психологии, 2018. № 2. С. 19-26.
- Турушева Ю.Б. Особенности нарративного подхода как метода изучения идентичности // Психологические исследования, 2014. Т. 7. № 33. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 23.05.2021).
- Уайт М. Карты нарративной практики: Введение в нарративную терапию. М., Генезис, 2010.
- Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., Касталь, 1996. – 448 с.
- Херманс Г. Личность как мотивированный рассказчик: теория валюации и метод самоконфронтации // Постнеклассическая психология, 2006-2007. Т. 3. № 1. С. 7-53.
- Чудова И.А. Постмодернизм и социология: опасности или возможности // Социологические исследования, 2017. № 4. С. 122-128.
- Alea N., Bluck S. Why are you telling me that? A conceptual model of the social function of autobiographical memory // Memory, 2003. Vol. 11(2). Pp. 165-178. <https://doi.org/10.1080/741938207>
- Berntsen D., Rubin D. Cultural life script structure recall from autobiographical memory // Memory and Cognition, 2004. Vol. 32. No. 3. Pp. 427.
- Bell D. The End of Ideology. Cambr. (Mass.) – L., 1986.
- Bluck S. Autobiographical memory: Exploring its functions in everyday life // Memory, 2003. Vol. 11(2). Pp. 113-123. <https://doi.org/10.1080/741938206>
- Bluck S., Habermas T. The Life Story Schema // Motivation and Emotion, 2000. Vol. 24(2). Pp. 121-147. <https://doi.org/10.1023/A:1005615331901>
- Brockmeier J., Carbaugh D. (Eds.) Narrative and identity: Studies in autobiography, self, and culture. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company, 2001.
- Cottle T.J. Perceiving time A Psychological Investigation with Men and Women. N.Y., Wiley, 1976.
- Hermans H.J.M. The construction and reconstruction of a dialogical self // Journal of Constructivist Psychology. Special Issue on the Dialogical Self, 2003. Vol. 16. Pp. 89-130. doi: 10.1080/10720530390117902
- McAdams D.P. The Psychological Self as Actor, Agent, and Author // Perspectives on Psychological Science, 2003. Vol. 8(3). Pp. 272-295.
- McAdams D.P. The art and science of personality development. The Guilford Press, 2018.
- Psychology and postmodernism / Ed. by S. Kvale. London, Sage Publ., 1994.
- Vermeulen T., van den Akker R. Notes on metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture, 2010. Vol. 2. doi:10.3402/jac.v2i0.5677

References

- Asmolov A.G. Ot kul'tury poleznosti k kul'ture dostoinstva [From a Culture of Utility to a Culture of Dignity] // Kul'turno-istoricheskaia psikhologiiia i konstruirovaniie mirov. Voronezh, MODEK Publ.; Moscow, IPP Publ., 1996. – 768 p. (In Russian)

- Asmolov A.G. Psikhologiya sovremennosti: vyzovy neopredelennosti, slozhnosti i raznoobraziia [The Psychology of Modernity: Challenges of Uncertainty, Complexity, and Diversity] // Psikhologicheskie issledovaniia, 2015. Vol. 8. No. 40. P. 1. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed: 23.05.2021). (In Russian)
- Asmolov A.G., Asmolov G.A. Internet kak generativnoe prostranstvo: istoriko-evoliutsionnaia perspektiva [The Internet as Generative Space: A Historical-Evolutionary Perspective] // Voprosy psikhologii, 2019. No. 4. Pp. 1-26. (In Russian)
- Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Moscow, 1994. Pp. 384-391. (In Russian)
- Belinskaia E.P. Izmenchivost' Ia: krizis identichnosti ili krizis znaniia o nei? [Changing Self: Crisis of Identity or Crisis of Knowledge of Identity?] // Psikhologicheskie issledovaniia, 2015. Vol. 8. No. 40. Pp. 12. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed: 23.05.2021). (In Russian)
- Belinskaia E.P., Davydova I.S. Graficheskii test Kottla: spetsifika pokazatelei vremennoi perspektivy [Cottle's graphical test: specificity of indicators of time perspective] // Psikhologicheskaia nauka i obrazovanie, 2007. Vol. 12. No. 5. Pp. 28-37. (In Russian)
- Borzykh S.V. Smert' narrativa [Death of Narrative]. Moscow, Infra-M Publ., 2021. – 175 p. (In Russian)
- Vasiliuk F.E. Psikhologiya perezhivaniia (analiz preodoleniia kriticheskikh situatsii) [Psychology of experience (analysis of overcoming critical situations)]. Moscow, MSU Publ., 1984. – 200 p. (In Russian)
- Vvedenskii A.I. Elka u Ivanovykh [A Christmas tree at the Ivanovs']. Moscow, BuksMArt Publ., 1938/2021. – 76 p. (In Russian)
- Volkov D.B. Bostonskii zombi: D. Dennet i ego teoriia soznaniia [The Boston Zombie: D. Dennett and His Theory of Consciousness] / D.B. Volkov. Moscow, URSS Publ., 2021. – 304 p. (In Russian)
- Gurevich P.S., Spirova E.M. Identichnost' kak sotsial'nyi i antropologicheskii fenomen [Identity as a social and anthropological phenomenon]. Moscow, Kanon+ROOI «Reabilitatsiia» Publ., 2015. – 368 p. (In Russian)
- Gusel'tseva M.S. Metamodernizm v psikhologii: novye metodologicheskie strategii i izmeneniia sub"ektivnosti [Metamodernism in Psychology: New Methodological Strategies and Changes in Subjectivity] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya. 2018. Vol. 8. Is. 4. Pp. 327-340. URL: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.402> (In Russian)
- Gusel'tseva M.S. Esteticheskaia paradigma i transformatsii povsednevnosti: metodologicheskie aspekty [The Aesthetic Paradigm and the Transformation of Everyday Life: Methodological Aspects] // Psikhologicheskie issledovaniia, 2018. Vol. 11. No. 60. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n60/1598-guseltseva60.html> (Accessed: 23.05.2021). (In Russian)
- Gudzovskaia A.A. Vospriatie periodov zhizni bezrobotnymi sovremennoi provintsii [Perception of life span by the unemployed in the modern province] // Provintsial'naia mental'nost' Rossii v proshlom i nastoiashchem: Tezisy dokladov konferentsii po istoricheskoi psikhologii rossiiskogo soznaniia. Samara, SamGPI Publ., 1994. Pp. 105-110. (In Russian)
- Dzheimison F. Postmodernizm, ili Kul'turnaia logika pozdnego kapitalizma [Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism]. Moscow, 2019. P. 83. (In Russian)
- Dilez Zh. Fuko [Foucault]. Moscow, Gumanitarnoi literatury Publ., 1998. – 172 p. (In Russian)

- Zaitseva Iu.E. Chuvstvo sobstvennogo dostoinstva kak psikhologicheskii fenomen: Opyt obshchepsikhologichieskogo issledovaniia [Dignity as a Psychological Phenomenon: Experience of General Psychological Research]. LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011 – 196 p. (In Russian)
- Zaitseva Iu.E. Gusi-gusi... ili kto opasnei vsekhn na svete? – nedovyrosshie deti [Goosey-goose... or who is the most dangerous in the world? – undergrown children] // Zhurnal narrativnoi praktiki, 2021a. No. 1(3). Pp. 21-30. (In Russian)
- Zaitseva Iu.E. Pochemu zhenshchiny ubivaiut? Sem'ia v metamoderne [Why women kill? Family in the Metamodern] // Zhurnal narrativnoi praktiki, 2021b. No. 2(4). Pp. 15-19. (In Russian)
- Kon I.S. Otkrytie «Ja» [Discovering the Self]. Moscwo, Politizdat Publ., 1978. (In Russian)
- Kempbell D. Tysiachelikii geroi [The Hero with thousand faces]. Moscow, Vakler; Refl-buk; AST, 1997. – 384 p. (In Russian)
- Makadams D.P. Psikhologiiia zhiznennykh istorii [Psychology of Life Stories] // Metodologiiia i istoriia psikhologii, 2008. No. 3. Pp. 135-166. (In Russian)
- Makginnis P. Fomo Sapiens: Kak izbavit'sia ot strakha upushchennykh vozmozhnostei i nachat' prinimat' pravil'nye resheniia [Fear of Missing Out: Practical Decision-Making in a World of Overwhelming Choice]. Moscow, Al'pina Pabliisher Publ., 2022. – 256 p. (In Russian)
- Martsinkovskaia T.D. Sovremennaia psikhologiiia – vyzovy tranzitivnosti [Modern Psychology – Challenges of Transitivity] // Psikhologicheskie issledovaniia, 2015. Vol. 8. No. 42. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed: 23.05.2021). (In Russian)
- Nurkova V.V. Dnestrovskaiia M.V., Mikhailova K.S. Kul'turnyi zhiznennyi stsenarii kak dinamicheskaiia semanticheskaiia struktura (re)organizatsii individual'nogo zhiznennogo opyta [Cultural Life Scenario as a Dynamic Semantic Structure of the (Re)Organization of Individual Life Experience] // Psikhologicheskie issledovaniia, 2012. Vol. 5. No. 25. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed: 10.01.2018). (In Russian)
- Nurkova V.V. Zhizn' – instruktsiia po primeneniuiu: rezul'taty graficheskoi eksplikatsii Kul'turnogo zhiznennogo stsenariia [Life – Instruction for Use: The results of graphical exploration of a Cultural Life Script] // Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniia kul'tury, 2018. Vol. 30. No. 1. Pp. 56-73. (In Russian)
- Nurkova V.V. Psikhologiiia fotografii. Kul'turno-istoricheskii analiz [Psychology of Photography. A cultural and historical analysis]. Moscow, Iurait Publ., 2021. – 473 p. (In Russian)
- Rod'kin P. Beskonechnyi narrativ. Germenevtika seriala [The Infinite Narrative. Hermeneutics of the series]. Moscow, Sovpadenie Publ., 2019. – 256 p. (In Russian)
- Turusheva Iu.B. O tendentsiakh metamodernizma v narrativnom podkhode [On the Trends of Metamodernism in the Narrative Approach] // Voprosy psikhologii, 2018. No. 2. Pp. 19-26. (In Russian)
- Turusheva Iu.B. Osobennosti narrativnogo podkhoda kak metoda izucheniia identichnosti [Features of the Narrative Approach as a Method of Studying Identity] // Psikhologicheskie issledovaniia, 2014. Vol. 7. No. 33. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed: 23.05.2021). (In Russian)
- Uait M. Karty narrativnoi praktiki: Vvedenie v narrativnuiu terapiiu [Maps of Narrative Practice: Introduction to Narrative Therapy]. Moscow, Genezis Publ., 2010. (In Russian)

- Fuko M. Volia k istine: po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality. Works from Various Years]. Moscow, Kastal' Publ., 1996. – 448 p. (In Russian)
- Khermans G. Lichnost' kak motivirovannyi rasskazchik: teoriia valuatsii i metod samokonfrontatsii [The Person as a Motivated Storyteller: Valuation Theory and the Self-Confrontation Method] // Postneklassicheskaia psikhologiya, 2006-2007. Vol. 3. No. 1. Pp. 7-53. (In Russian)
- Chudova I.A. Postmodernizm i sotsiologiya: opasnosti ili vozmozhnosti [Postmodernism and Sociology: Dangers or Opportunities] // Sotsiologicheskie issledovaniia, 2017. No. 4. Pp. 122-128. (In Russian)
- Alea N., Bluck S. Why are you telling me that? A conceptual model of the social function of autobiographical memory // Memory, 2003. Vol. 11(2). Pp. 165-178. <https://doi.org/10.1080/741938207>
- Berntsen D., Rubin D. Cultural life script structure recall from autobiographical memory // Memory and Cognition, 2004. Vol. 32. No. 3. Pp. 427.
- Bell D. The End of Ideology. Cambr. (Mass.) – L., 1986.
- Bluck S. Autobiographical memory: Exploring its functions in everyday life // Memory, 2003. Vol. 11(2). Pp. 113-123. <https://doi.org/10.1080/741938206>
- Bluck S., Habermas T. The Life Story Schema // Motivation and Emotion, 2000. Vol. 24(2). Pp. 121-147. <https://doi.org/10.1023/A:1005615331901>
- Brockmeier J., Carbaugh D. (Eds.) Narrative and identity: Studies in autobiography, self, and culture. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company, 2001.
- Cottle T.J. Perceiving time A Psychological Investigation with Men and Women. N.Y., Wiley, 1976.
- Hermans H.J.M. The construction and reconstruction of a dialogical self // Journal of Constructivist Psychology. Special Issue on the Dialogical Self, 2003. Vol. 16. Pp. 89-130. doi: 10.1080/10720530390117902
- McAdams D.P. The Psychological Self as Actor, Agent, and Author // Perspectives on Psychological Science, 2003. Vol. 8(3). Pp. 272-295.
- McAdams D.P. The art and science of personality development. The Guilford Press, 2018.
- Psychology and postmodernism / Ed. by S. Kvale. London, Sage Publ., 1994.
- Vermeulen T., van den Akker R. Notes on metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture, 2010. Vol. 2. doi:10.3402/jac.v2i0.5677